

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)
А16

Emmy Abrahamson

HOW TO FALL IN LOVE

WITH A MAN WHO LIVES IN A BUSH

(HUR MAN FÖRÄLSKAR SIG I EN MAN SOM BOR I EN BUSKE)

First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm, Sweden

Перевела с английского

Наталья Фрумкина

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Издание выходит с разрешения литературных агентств

Bonnier Rights, Stockholm, Sweden

и Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

Абрахамсон Э.

A16 Мой прекрасный бродяга : [роман] / Эмми Абрахамсон; [пер. с англ. Н. Фрумкиной]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 256 с. — (Серия «CityGirl»).

ISBN 978-5-906986-72-6

Слезам не верит не только Москва, но и Вена.

Юлия работает здесь преподавателем на курсах английского. Ей около тридцати. Она умна и хороша собой, обладает чувством юмора и широтой взглядов. Но при этом — одна. Если не считать завистливых коллег, нудной замужней подруги икота по кличке Оптимус. Дни тянутся медленно, вечера скучны, а ночи одиноки...

Ее жизнь меняется внезапно. Она бы ни за что не поверила, если бы ей кто-то сказал, что она вдруг полюбит ТАКОГО мужчину.

УДК 821.113.6

ББК 84(4Шве)

© Emmy Abrahamson, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-72-6

— Люблю, когда меня жарить! — жизнерадостно заявляет женщина.

Я опускаю взгляд к своим заметкам, чтобы черкнуть там нечто неразборчивое, кладу ручку на стол и откашливаюсь.

— Я думаю... вы хотите сказать... то есть я надеюсь... хотя я очень рада за вас, если вам правда это нравится... но, скорее всего, вы любите жарить и вообще готовить. «Жарить». Не когда вас... «жарят».

Это одиннадцатый урок за день, и я так устала, что уже начала заговариваться. Более того, мне приходится все время подглядывать в светло-зеленую карточку, чтобы уточнить, как зовут моих учеников. *Петра, Петра, Петра*. Как ни печально, но хоть в карточке и отмечено, что я уже трижды занималась с этой женщиной, я все равно совершенно ее не помню.

Все мои ученики будто бы слились в единый безликий образ, в некую сущность, не способную отличить бал от балла и упрямо отказывающуюся использовать в речи настоящее совершенное время. Сущность, продолжающую в ответ на мое

«Простите!» твердить «Прощаю», невзирая на мое сто первое напоминание о том, что существует фраза «Ничего страшного». Сущность, считающую, что язык автоматически выучивается сам по себе, стоит только оказаться в одной комнате с преподавателем. Я украдкой смотрю на часы и понимаю, что до конца урока еще двадцать минут. Бесконечные двадцать минут.

— Итак, э-э-э... Петра, какие блюда вы любите готовить? — спрашиваю я.

Никогда в жизни мне не приходило в голову, что я стану преподавать английский, и уж тем более ничего подобного не было у меня в планах. Но после четырех месяцев без работы судьба неожиданно сделала мне подарок: корпорация Берлица¹ объявила о дополнительном наборе преподавателей. Подготовка длилась всего две недели, и сразу же можно было приступать к работе. Первые несколько недель я с тревогой поглядывала на дверь, ожидая, что в ней вот-вот появится тот парень с длинными волосами, собранными в хвост, который вел наш подготовительный курс. Войдет и скажет: «Это была шутка, у вас нет никакого права преподавать. Мы просто развлекались», а потом вышвырнет меня на улицу и передаст учеников настоящим специалистам.

В то время я каждый вечер засиживалась допоздна, готовясь к предстоящим занятиям. Я тщательно разрабатывала планы уроков, добиваясь, чтобы они были разнообразными и занимательными.

¹ Компания — мировой лидер в сфере языковых услуг. Существует с 1878 года и представлена более чем в 70 странах мира.

Копировала интересные статьи, записывала вопросы, готовила безобидные сценки и ламинировала картинки по темам, которые предполагалось обсудить. Делала все, чтобы мои ученики как можно больше разговаривали по-английски.

А теперь ученикам, считай, повезет, если я хотя бы загляну в информационную карточку, прежде чем они зайдут в кабинет. Я ударилась в противоположную крайность, когда вдруг осознала, что преподаю значительно дольше тех шести месяцев, на которые изначально рассчитывала, и — хуже того — преотлично с этим справляюсь. Что я обладаю терпением (кто бы мог подумать, что это окажется основным качеством, необходимым, чтобы стать хорошим учителем иностранного языка) и знаю приемы, как заставить учеников говорить на английском. С тех пор, как я перестала планировать уроки, они превратились в настоящую загадку не только для меня, но и для моих учеников, а жизнь стала немного интересней.

— О, совсем всё. Шницель, сосиска, — говорит Петра.

— Полным ответом, — приободряю я.

— Я люблю готовить шницель и сосиски, — послушно говорит Петра.

Преподавание по методу Берлица заключается в том, что иностранный язык следует учить, разговаривая на повседневные бытовые темы. Я могу вести урок, пока у меня есть темы, на которые можно поговорить с учениками. Три года преподавания английского превратили меня в эксперта по пустой болтовне. Как-то раз я четверть часа беседовала с учеником о новом замке, который он

поставил на дверь своего гаража, просто чтобы убедиться, что я смогу.

— А какой ваш любимый напиток? — спрашиваю я.

Петра задумывается.

— Вода из-под крана.

— Полным ответом, — повторяю я, напряженно улыбаясь.

— Мой любимый напиток — вода из-под крана, — говорит Петра.

Я продолжаю улыбаться ей, потому что не имею ни малейшего понятия, что сказать человеку, который из всех напитков больше всего любит воду из-под крана.

Оставшиеся пятнадцать минут мы решаем кроссворд на кулинарную тему. Когда звенит звонок, я испускаю легкий притворный вздох и опускаю вниз уголки рта, чтобы продемонстрировать, как мне якобы жаль, что урок окончен. Конечно, мы обмениваемся рукопожатием, и Петра исчезает, направившись домой, где, возможно, станет ужинать шницелем с сосисками, запивая все это водой из-под крана.

Все набиваются в малюсенькую учительскую, дабы в течение пятиминутного перерыва избежать каких бы то ни было контактов с учениками. По стенам тут развешены плакаты корпорации Берлица, на них лица представителей разных национальностей и предложения, заканчивающиеся восклицательными знаками. Три книжных стеллажа забиты берлицевскими журналами «Паспорт», а еще там несколько учебников испанского, французского и русского языков, которые выглядят так,

словно их ни разу не открывали. В свою очередь, учебники по английскому, наоборот, ужасно потрепанные, у большинства либо отсутствуют корешки, либо они не рассыпаются исключительно благодаря скотчу.

Среди преподавателей Берлица настоящих учителей практически нет. Майк — безработный актер. Джейсон дописывает докторскую по творчеству Шенберга, Клэр раньше занималась маркетингом, Рэндалл — графический дизайнер, Сара — инженер-строитель, Ребекка — скрипичный мастер, Карен получила образование в области средств массовой информации, а я все еще мечтаю, что однажды стану писательницей. На педагога учился только Кен. Его ненавидят почти так же, как Дагмар, администраторшу филиала корпорации Берлица на Марияхильферштрассе².

Кен гордо входит в учительскую.

— О-о, дела, дела, — бодро говорит он, пытаясь проложить себе путь к ксероксу. В руках у него раскрытый учебник грамматики. Все его игнорируют. Майк и Клэр теснятся у окна, они курят, стараясь выдыхать дым в щель приоткрытой на сантиметр рамы.

— Сейчас у меня четыре урока подряд с одной и той же группой, — вздыхает Клэр, запихивая зажигалку обратно в пачку сигарет. — Закончу только после восьми.

— Еще совсем чуть-чуть, и тебе никогда в жизни больше не придется этим заниматься, — говорит

² Торговая улица в Вене.

Рэндалл, потому что Клэр в ближайшее время собирается вернуться в Лондон и получить там степень магистра.

— А у меня сейчас будет двенадцатый урок, — говорю я. Это производит впечатление, и по комнате расплзается потрясенный шумок. Для разговоров в учительской существует всего три темы: как много у нас сегодня уроков, как раздражают ученики и как сильно мы ненавидим Дагмар.

— А у меня только что была группа с АБТ, — парирует Майк.

Все сочувственно вздыхают. АБТ — это Австрийская биржа труда. Несколько лет назад корпорация Берлица выиграла государственный контракт на обучение английскому языку каждого безработного, который встал на учет на биржу. Мало что угнетает так сильно, как проведение урока в группе АБТ.

На последний урок в этот день ко мне пришла новенькая. Когда я вхожу в кабинет, она уже там, стоит и смотрит на Марияхильферштрассе за грязными окнами. К своему облегчению я вижу, что английский у нее пятого уровня — а это значит, что она неплохо знает язык. Чем выше уровень ученика, тем меньше усилий мне приходится прилагать.

— Привет, меня зовут Юлия, — говорю я, протягивая руку.

Тоненькая женщина тоже протягивает руку, которая оказывается на удивление теплой. За четверть часа я узнаю, что ее зовут Вера, она родом из Граца³, работает консультантом по связям с об-

³ Второй после Вены по величине австрийский город.

щественностью в Австрийской народной партии⁴ и что она — мать-одиночка, воспитывающая восьмилетнюю дочь. К несчастью, Вера начинает задавать вопросы.

— А где вы раньше жили?

— Я шведка, — не подумав, бросаю я.

Вера удивленно морщит лоб, и я тут же осознаю свой промах. Пусть я говорю по-английски без акцента и без ошибок, все равно никто не рад услышать, что я не из англоязычной страны. Поэтому администраторша Дагмар даже напрямую попросила меня не упоминать в разговорах с учениками, что я из Швеции. Ребекка рассказывала как-то, что в свое время подрабатывала официанткой в ресторане барбекю в Карнсе. Хотя она и запоминала каждый заказ, ей все равно приходилось делать вид, будто она все записывает. Она заметила, что в противном случае посетители начинают нервничать. Примерно так я чувствую себя, когда вру на счет своей родины.

— Я суиндонка, — поправляюсь я. Надеюсь, что это будет звучать похоже на «суиден» — «шведка». — Из города Суиндона. Это на севере Англии.

Вера продолжает смотреть на меня.

— Разве Суиндон не на юге Англии? Возле Бристоля? Я там как-то училась.

Я чувствую, как вспыхивают шея и щеки.

— Это другой Суиндон, — быстро добавляю я. — Тот, который поменьше. Мы называем его... мини-Суиндон. Итак, Вера, расскажите мне, чем

⁴ Влиятельная партия на консервативной платформе.

вы любите заниматься в выходные? У вас есть какое-то хобби?

Вера продолжает слегка подозрительно меня разглядывать, и я думаю, что мне действительно стоит последовать совету Ребекки и не набирать столько уроков. К сожалению, английский Веры почти безупречен. Но ближе к финалу занятия она говорит «на конец месяца» вместо «в конце месяца». У меня все-таки появляется возможность поправить ее и перестать чувствовать себя бесполезным статистом.

По пути домой у меня неожиданно рождается замысел книги. Такой напряженной и жуткой, что мне приходится остановиться, и волосы на руках встают дыбом. Это будет история про незадачливого писателя, который вынужден устроиться смотрителем в уединенный отель, не в сезон и оторванный от остального мира. Писатель вынужден будет провести там всю зиму в обществе жены и ребенка. Мальчика. Или девочки. Нет, лучше все-таки мальчика. Зимой писатель начнет сходить с ума из-за изоляции и населяющих отель злобных призраков, а потом все окончится в хаосе кровавой бани.

Я так ясно вижу перед собой весь сюжет, что это кажется почти пугающим. За стенами отеля воеет вьюга, его коридоры пусты, и ни одной живой души в номерах, лишь писатель сидит за пишущей машинкой. Какая захватывающая, страшная книга должна из этого получиться! Я почти бегу домой, чтобы начать писать, пребывая в изумлении оттого, что никто до сих пор не додумался до чего-то подобного.

Вечером я встречаюсь с Леонорой в коктейль-баре Шестого района.

Я ненавижу Леонору. В свое оправдание я могу сказать, что она тоже с трудом меня выносит, но мы обе давно осознали симбиотическое преимущество нашей дружбы. Ведь все остальные мои подруги при мужиках и поэтому к полуночи превращаются в тыквы. Выйти куда-то можно только с Леонорой, которая со мной притворяется молодой и холостой, хотя на самом деле она старая и замужем за Герхардом, которого мне нравится называть Скучный Дядя (конечно, за глаза).

Леонора из Англии, у нее есть сын-дошкольник, который вечно по какой-то причине ходит с повязкой на глазу. Скучный Дядя — руководитель финансового отдела в «Ред Булл», и это означает, что Леоноре не надо зарабатывать на жизнь. Вместо этого она может посвящать все свое время созданию, постановке и раскрутке спектаклей, в которых сама же исполняет главные роли. В прошлом феврале она играла Малкольма Икса⁵ в рамках месячника афроамериканской истории, спонсором которого выступило американское посольство. Хотя Леонора ни разу не чернокожая.

— Майк все еще работает в Берлице? — спрашивает Леонора.

⁵ Малкольм Икс (1925–1965) — американский правозащитник, борец за права чернокожих, исламский духовный лидер. Был убит одним из своих бывших соратников по радикальной националистической афроамериканской организации «Нация ислама».

Я киваю и делаю глоток своей водки с тоником. Будь проклят Стивен, мать его, Кинг!

— Не знаю, дать ему роль в моем следующем спектакле или нет, — говорит Леонора. — Я планирую поставить «Близость» Патрика Марбера⁶. Ему подошла бы роль, которую сыграл Клайв Оуэн.

Я гоняю в стакане кубики льда прозрачной пластмассовой трубочкой для коктейлей. Мои горькие мысли все еще крутятся вокруг Стивена Кинга, почти сорок лет назад написавшего «Сияние». Эта мелкая деталь припомнилась мне, лишь когда я коснулась пальцами клавиатуры, чтобы начать набирать текст.

— Я видела Майка сегодня, и не сомневаюсь, что его уже тошнит от преподавания, — говорю я. — Так что, наверно, его очень обрадует возможность сыграть в «Близости». Всему есть предел, в том числе и тому, сколько раз можно провести один и тот же урок, посвященный разнице между настоящим и настоящим продолженным временем, уж можешь поверить. Если мне еще раз придется объяснить, почему слоган «Макдоналдса» «Вот что я люблю» совершенно неприемлем с точки зрения культуры речи, я просто разобью себе башку о стену. Как же дико я злюсь на «Макдоналдс» каждый раз, когда об этом думаю! Так что да, может быть, тебе и следует дать Майку роль.

Если бы в ее лоб не было закачено столько ботокса (как ни крути, между нами одиннадцать лет

⁶ Патрик Марбер (род. 1964) — британский театральный деятель, по его пьесе «Близость» был снят одноименный фильм.

разницы), Леонора сейчас наморщила бы его, чтобы показать, как я ее утомляю.

— Не знаю, есть ли между нами должное понимание, — говорит она.

Не уверена, что речь все еще идет о Майке, я бормочу:

— Возможно, что и нет. — И делаю очередной глоток.

Из коктейль-бара мы идем в клуб «Пассаж». Там уже полно народу, и чтобы оставить пальто в гардеробе, нам приходится отстоять очередь за тремя темноволосыми девицами в крошечных юбочках и на высоких белых каблучищах.

— Тебе не кажется, что все эти девушки выглядят как высококлассные балканские проститутки? — ору я Леоноре, перекрикивая музыку.

— Надеюсь, ты имеешь в виду и нас тоже, — орет в ответ Леонора.

Прежде чем я успеваю ответить, она тянет меня к стойке бара. Мы заказываем выпивку и высматриваем парней, притворяясь, будто болтаем между собой. По правде говоря, я понятия не имею, почему мы вечно таскаемся в «Пассаж». Здешний диджей постоянно крутит невыносимую музыку, напитки разбавляют, в туалетах грязь, присесть некуда, а все парни из Германии, и к тому же у них есть девушки. В течение получаса у каждой из нас завязывается разговор с молодым человеком. У моего собеседника предательские мокрые пятна подмышками и сросшиеся брови, но совсем уж страшным назвать его тоже нельзя.

— Откуда ты? — спрашивает он по-немецки.

— Из Швеции, — по-английски отвечаю я.

Если честно, я могла бы говорить по-немецки, пусть и по-своему интерпретируя грамматику, но с этим парнем решаю беседовать по-английски, чтобы обеспечить себе преимущество. Его глаза расширяются, и он улыбается мне.

— Ты был в Швеции? — спрашиваю я.

— Не, — говорит парень, качая головой. — Но я прочел столько шведских детективов, что мне почти кажется, будто я там был. Швеция — это земля Валландера⁷.

— Земля Валландера звучит как название парка аттракционов, — говорю я. — Где все помирают.

Я замечаю, что Леонора старается поймать мой взгляд. Может, потому, что парень, с которым она разговаривает, на голову ее ниже, и на шее у него кулон с логотипом «мерседеса». Отправляясь в австрийский ночной клуб, ты нередко словно возвращаешься в прошлое, когда ювелирные украшения восьмидесятых еще не вызывали насмешку, а в музыкальном мире царили «Ace of Base». Я игнорирую Леонору и снова оборачиваюсь к парню.

— Один мужик из Швеции сказал мне, что на самом деле в Истаде нет преступности, — говорит он.

— Это потому что Курт Валландер всех переловил, — отвечаю я.

Парень смеется, и у меня внезапно появляется надежда, что у нас что-то выйдет.

— А ты откуда? — спрашиваю я.

⁷ Комиссар Курт Валландер — герой цикла детективов Хеннинга Манкеля, действие которых происходит в шведском городе Истаде. На основе этих детективов снят телесериал «Валландер».